

«Ядерный предел»: Взгляд российского разведчика

ОРУЖИЕ

Россия в скором времени может оказаться в кольце ядерных государств. Возрастает угроза локальных конфликтов с применением оружия массового поражения на наших южных флангах. Из такого пессимистического прогноза исходят сегодня многие военные практики.

Украина и Израиль, Пакистан и Северная Корея, Индия и Ирак — вот неполный перечень стран, которые игнорируют международные правила нераспространения ядерного оружия, являясь его неофициальными владельцами либо вплотную приближившись к статусу ядерных держав. Располагает ли российское руководство информацией о реальных ядерных арсеналах и программах «пороговых» и «околопороговых» стран, расположенных по периметру России? Об этом — интервью Владимира ОРЛОВА с генерал-лейтенантом Геннадием ЕВСТАФЬЕВЫМ — начальником управления по контролю над вооружениями и распространением оружия массового уничтожения Службы внешней разведки России (СВР).

— Разделите ли вы тревоги о «новом ядерном окружении России»?
— Лишь отчасти. Напомним, что в 1995 году состоится конференция по продлению договора о нераспространении ядерного оружия. Я надеюсь, что к этому сроку совместными усилиями удастся расширить состав его участников и предотвратить появление новых ядерных держав, даже в промежуточном или временном качестве. Но при этом, действительно, в мире сохраняются точки, весьма тревожащие меня...

— Например? Назовите хотя бы три, в порядке убывания опасности.
— Во-первых, Северная Корея; во-вторых, Израиль; в-третьих, Индия-Пакистан.

ДОСЬЕ «МН»

По данным западных исследовательских центров, Израиль может располагать сегодня примерно 200 ядерными зарядами или материалом для их быстрого производства, Индия — 60 ядерными зарядами, Пакистан — 15. Северная Корея способна произвести 1-2 ядерные бомбы. Иран сможет производить собственное ядерное оружие через 8-10 лет.

— Давайте остановимся на Северной Корее.

— Мы согласны с общим выводом международных экспертов. Длительное время руководство Северной Кореи стремилось создать потенциал ядерного, химического и биологического оружия. Успешно осуществлялась и разработка средств доставки. Один из этапов — недавние испытания усовершенствованной ракеты «Скад». КНДР активно развивала военно-прикладную программу в ядерной

сфере, которая сегодня, по мнению СВР, находится в продвинутом состоянии.

— Почему тогда Северная Корея «заморозила» свою военную ядерную программу?

— Есть две причины. Первая — международное давление. Вторая — финансовые и технические трудности в самой Северной Корее, которая не способна нести бремя огромных расходов по созданию оружия массового уничтожения.

В Вашингтоне, как я знаю, понимают, что КНДР еще не овладела таким оружием, не создала реальных боевых устройств. Генеральный директор МАГАТЭ господин Бликс также не утверждает, что у КНДР есть ядерное оружие. Служба внешней разведки тоже считает, что сейчас ядерная программа КНДР находится в заморозженном состоянии и при соответствующих условиях корейцы готовы, видимо, прекратить ее вовсе и полностью открыть ее. Недавнее

согласие Пхеньяна заменить «газографитовые» реакторы на легководные является определенным «сигналом», что КНДР готова приостановить часть своих военных программ.

Но есть вопрос, который требует разяснения. То, что КНДР решила выйти из договора о нераспространении и стремилась не допустить контроля инспекторов МАГАТЭ, создало новый узел проблем. Правда, в результате диалога КНДР и США в монолитной позиции мирового сообщества Пхеньяну приостановил свой выход из договора. Но непрерывность в контрольной деятельности МАГАТЭ говорит не в пользу северокорейского руководства.

При этом хотел бы особо заметить: сейчас, по сути, завершается процесс передачи власти в КНДР. В этих условиях всем нужно проявлять особую осторожность и осмотрительность, чтобы не дестабилизировать и без того острую ситуацию.

Американцы проявляют похвальную твердость, когда излагают перед Пхеньяном мнение мирового сообщества о недопустимости отхода от международных договоров. В то же время не секрет, что одновременно США решают свои сугубо национальные внешнеполитические задачи в этом регионе. Да и КНДР в «ядерном диалоге» с американцами ведет собственную крупную игру. Отсюда вывод: России следует исходить прежде всего из своих собственных интересов в обеспечении безопасности на Дальнем Востоке.

— Следующий в вашем списке — Израиль. Не секрет, что эта страна неофициально владеет ядерным оружием, а также передовыми ракетными средствами доставки...

... и сами израильтяне в неформальных беседах с удовольствием подтверждают это. Для наработки ядерного материала оружейной чистоты используются тяжеловодный реактор и установка для переработки облученного топлива (они не контролируются МАГАТЭ). Их мощности достаточно для изготовления ядерного материала для 5-10 ядерных боезарядов в год. Реактор мощностью 26 мегаватт введен в строй в 1963 году с помощью Франции и модернизирован в 70-е годы. После увеличения его мощности до 75-150 мегаватт наработка оружейного плутония могла вырасти с 7-8 кг в год до 50 кг. Установка для переработки облученного топлива создана также при содействии французской фирмы. На ней можно получать от 15 до 40 кг оружейного плутония в год.

Иначе говоря, Израиль потенциально мог бы произвести в период 1970-1980 годов до 20 ядерных боезарядов, а к настоящему времени — от 100 до 200 боезарядов. Естественно, эти подсчеты могут быть скорректированы в зависимости от конкретных технических условий. Высокий научно-технический потенциал позволяет Израилю совершенствовать конструкции ядерного оружия, например, создавать его малогабаритные варианты.

— Насколько я знаю, в настоящее время Израиль в состоянии производить также и химическое оружие: отравляющие вещества всех типов, включая нервно-паралитические, кожно-парывые, временно выводящие из строя...

— Да, там имеются высокоразвитые химическая и нефтехимическая промышленность, квалифицированные специалисты, а также запасы исходного сырья. Откровенно говоря, это сильно осложняет международные процессы разоружения в целом. В частности, арабские государства не подписали конвенцию о запрещении химического оружия и, видимо, не подпишут до тех пор, пока не будет прояснена позиция Израиля в военно-ядерной области.

— Третья названная вами точка: Индия.

— Начнем с Индии. Я оценил бы ее технологические возможности как очень высокие. У Пакистана технические возможности несколько ниже, но тоже весьма высоки. Плюс у Пакистана хорошие источники финансирования, включая зарубежные. Около года назад Служба внешней разведки подготовила открытый доклад, где указала на наличие ядерного потенциала Пакистана. Затем эту информацию подтвердили сами пакистанские официальные лица. Появление ядерного оружия на Индийском субконтиненте вызывает большие опасения в мире. Видимо, здесь важнее всего безотлагательно найти политические рычаги в решении проблемы. Движе-

ние этих стран не в сторону обеспечения себе промежуточного ядерного статуса, а в сторону признания безъядерных норм явилось бы их огромным вкладом в дело нераспространения.

— Но ведь ядерное оружие — это еще не все. Встает проблема распространения ракетных технологий.

— В ряде стран применение ракетных вооружений, по-видимому, уже является неотъемлемой частью стратегических и оперативных планов. К числу наиболее продвинувшихся в этом направлении стран (кроме промышленно развитых) можно отнести Израиль, Иран, Сирию, Индию, Пакистан, КНДР и Бразилию.

Хорошо известно, что существуют вполне легальные пути приобретения странами «третьего мира» необходимого технического опыта и технологий: выполнение субподрядных заказов западных авиакосмических фирм, приобретение их акций, создание смешанных или подставных компаний, приглашение иностранных специалистов, направление стажеров и т.д. Добавим сюда рост промышленного шпионажа. Кстати, спецкомиссия Совета Безопасности ООН по Ираку вскрыла огромную роль, которую западные фирмы негласно (или с благословения их правительств?) сыграли в создании развитого ракетного комплекса Ирака.

Но нельзя допустить, чтобы под предлогом ужесточения контроля за ракетными технологиями некоторые страны лишались доступа к мирным технологиям. Специалисты (в том числе и в СВР) внимательно следят за ракетными замыслами Ирана: за направлением закупок, его интересом к технологиям... Однако за разговорами об «усилении Ирана» и «опасности с его стороны» подчас кроется стремление лишить эту страну доступа к современным технологиям для развития своего мирного промышленного потенциала.

— В открытом докладе СВР, опубликованном в 1993 году, упомянуто, что сейчас около 100 стран мира располагают промышленной базой для создания химического оружия.

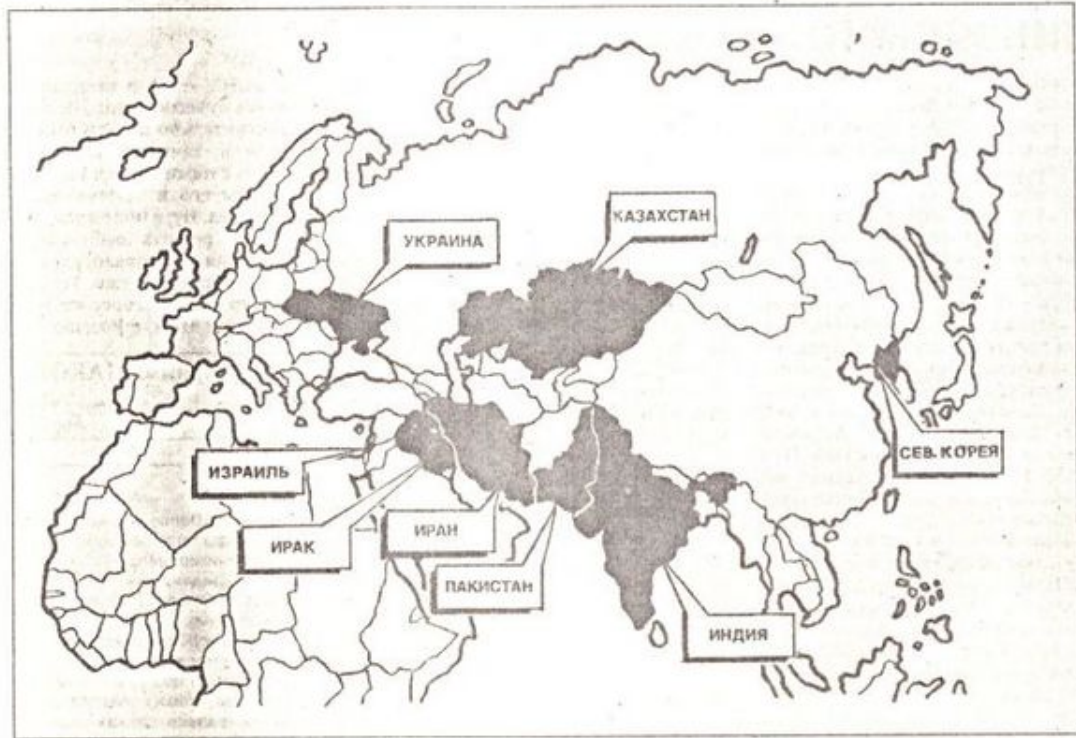
— Если контролировать ситуацию с ядерным оружием можно (сочетая использование космических средств с оперативной информацией), то с химическим это крайне трудно. Считается, что даже в крупном и достаточно затянном региональном конфликте реальная потребность в химическом оружии составляет всего 100-200 тонн. Конечно, на практике запасы химического оружия больше этих цифр. Но обнаружить 100 и даже 500 тонн спрятанного химического оружия практически невозможно. Химические соединения и агенты могут содержаться в контейнерах размером меньше обычной бочки...

КОММЕНТАРИЙ «МН»

Надо полагать, что высокопоставленный российский разведчик обнаружил лишь часть имеющихся в его распоряжении данных. Однако акценты, сделанные Геннадием Евстафьевым, показывают: мир действительно скоро столкнется с новой военно-политической ситуацией. Очевидно, именно это заставило Россию с ноября 1993 года официально отказаться от тезиса о «неприменимости первой ядерного оружия». Основные положения военной доктрины не исключают применения ядерного оружия против государств, не присоединившихся к Договору о нераспространении. Больше того, оговорены случаи, когда Россия может применить ядерное оружие даже против безъядерных участников этого договора. По словам заместителя секретаря Совета безопасности России Валерия Манилова, такой подход стал результатом «мучительного переосмысления» ядерной политики России «на самом высоком уровне: по этому вопросу высказался каждый член Совета безопасности».

В Совете безопасности России считают, что для России ядерное оружие — это прежде всего политический фактор. «Приняв во внимание рост числа стран, которые скрывают свое ядерное оружие, Россия пересмотрела прежний подход, который носил чисто декларативный характер», — заявил г-н Манилов.

Таким образом, новая ядерная концепция России — это концепция ядерного сдерживания. При этом военно-политическое руководство России, похоже, все меньше тревожат ядерные арсеналы США. Предметом наиболее пристального внимания становятся именно новые ядерные страны.

Государства, которые неофициально обладают ядерным оружием либо ведут работу по его созданию